Russie.Nei.Visions №88

Россия: государство и бизнес

Игорь Бунин,
Алексей Макаркин

Ноябрь 2015

ifri
Центр Россия/ННГ

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.
В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

ISBN: 978-2-36567-476-8
Центр Россия/ННГ
©Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2015

Ifri
27, rue de la Procession
75740 Paris Cedex 15 – FRANCE
Tél. : +33 (0)1 40 61 60 00
Fax : +33 (0)1 40 61 60 60
Email : accueil@ifri.org

Ifri-Bruxelles
Rue Marie-Thérèse, 21
1000 – Bruxelles – BELGIQUE
Tél. : +32 (0)2 238 51 10
Fax : +32 (0)2 238 51 15
Email : info.bruxelles@ifri.org

Website : Ifri.org

Russie.Nei.Visions

Russie.Nei.Visions – серия электронных публикаций, посвящённых изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Белоруссии, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам.

Статьи отвечают стандартам качества ИФРИ в области редактирования и анонимной экспертной оценки.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: campagne@ifri.org

Последние публикации

– Коростиков М., «Уйти, чтобы вернуться: российские чиновники и госкомпании», *Russie.Nei.Visions*, №87, август 2015.

– Милов В., «Новые энергетические альянсы России: мифы и реальность», *Russie.Nei.Visions*, №86, июль 2015.

– Деланоэ И., «Курды: вектор российского влияния на Ближнем Востоке?», *Russie.Nei.Visions*, №85, июнь 2015.

Об авторах

Игорь Бунин – доктор политических наук, президент Центра политических технологий, генеральный директор информационного сайта политических комментариев ПОЛИТКОМ.RU. Исследовательские интересы – внутренняя политика России, элиты и предпринимательство в России. Публикации: 20 лет спустя: Портрет отечественного бизнеса. М.: Центр полит. технологий, 2014. (Руководитель проекта); 40 лет успеха: Бизнес несмотря ни на что. М.: Центр полит. технологий, 2006. (Руководитель проекта); Бизнесмены России: 40 историй успеха. — М.: ОКО, 1994. (Автор, Руководитель проекта); Политическое прогнозирование как искусство возможного // Современная российская политика: Курс лекций. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Алексей Макаркин – первый вице-президент Центра политических технологий. Исследовательские интересы – внутренняя политика России, элиты и политические партии в России. Публикации: Противоречивые праздники новой России. «Неприкосновенный запас». 2015. № 101(3). С. 262–273; Память о забытой войне: политические аспекты. 2014. «Неприкосновенный запас». № 96(4). С. 75–85; «Единая Россия»: партия-инструмент. «Неприкосновенный запас». 2013. № 87(1). С. 33–41; Постсоветское пространство: авторитаризм и компромиссы. «Неприкосновенный запас». 2011. № 80(6). С. 285–294; Брежневская модернизация: коллективизм и индивидуальность. «Неприкосновенный запас». 2011. № 75(1). С. 10–20; Либеральные бюрократы и российские реформы. «Неприкосновенный запас». 2010. № 71(3). С. 162–174.

Содержание

Краткое содержание 4

Введение 5

Первый этап: бизнес вытесняет государство 8

Второй этап: пир победителей 11

Третий этап: равноудаление..... 13

Четвертый этап: особенности доминирования государства 16

Пятый этап: жизнь в условиях санкций 20

Что дальше? 22

© Ifri

Краткое содержание

В современной России бизнес тесно переплетен с политической сферой. Только форматы участия бизнеса в политике носили на различных этапах истории принципиально разный характер. Вначале бизнес играл активную роль, вытесняя государство с его позиций в ходе своей бурной экспансии, а затем уже государство стало брать реванш, укрепляя свои позиции не только в политике, но и на рынке. В настоящее время, несмотря на рост экономической турбулентности и масштабные изменения внешнеполитического позиционирования России, государство остается основным актором российской политики и экономики – и вряд ли в ближайшее время ситуация принципиально изменится.

В условиях экономического кризиса и сворачивания отношений с Западом бизнес делает ставку на выработку индивидуальных стратегий, направленных не столько на развитие, сколько на выживание в новых условиях. В то же время российский опыт свидетельствует о том, что частная инициатива сохраняется в самой неблагоприятной ситуации. Новый «прорыв» образца 1980-1990 годов маловероятен из-за возраста основных игроков, «закостенения» основных экономических конструкций и снижения (но не исчезновения) драйва, но активизация частного бизнеса все же возможна.

Введение

В современной России бизнес тесно переплетен с политической сферой. Только форматы участия бизнеса в политике носили на различных этапах истории принципиально разный характер. Вначале бизнес играл активную роль, вытесняя государство с его позиций в ходе своей бурной экспансии, а затем уже государство стало брать реванш, укрепляя свои позиции не только в политике, но и на рынке. В настоящее время, несмотря на рост экономической турбулентности и масштабные изменения внешнеполитического позиционирования России, государство остается основным актором российской политики и экономики – и вряд ли в ближайшее время ситуация принципиально изменится.

Можно выделить несколько этапов развития бизнеса в России за период существования в стране рыночной экономики[1].

Первый этап – 1987-1996 годы – становление бизнеса, начавшееся еще в советское время. В этот период сформировался слой предпринимателей, который комплектовался из самых разных источников – от научных сотрудников до бывших партийных и комсомольских функционеров, от заводских инженеров до так называемых «теневиков», занимавшихся нелегальным бизнесом еще до горбачевской перестройки. Можно выделить мейнстримный тип нового бизнесмена – это человек, которому было тесно в строго иерархической советской системе. Это «лиминальные» личности (от латинского limen - порог, пороговая величина), то есть находившиеся в переходном состоянии, менее, чем их коллеги, связанные с традиционными иерархическими структурами и готовые к трансформациям, в том числе связанным с риском потери социального статуса, «заработанного» в советское время. Например, аспиранту было легче уйти в бизнес, чем профессору. Все это происходило в условиях неблагоприятной макроэкономической конъюнктуры (в том числе низких нефтяных цен), которая нанесла сильнейший удар по традиционным секторам экономики, но в то же время дала шанс новым отраслям, которые были порождены рынком – от банковского и медийного бизнеса. «Драйв» в этих сферах носил высокий характер – зарабатывание денег сочеталось с самореализацией.

[1] Подробнее о современной истории российского бизнеса см.: Бунин И.М. 20 лет спустя. Портрет отечественного бизнеса. Апрель 2015. С. 17-23.

© Ifri

Второй этап – 1996-2000 годы. Он носил ярко выраженный «олигархический» характер. К этому времени основные рыночные институты уже сформировались, в бизнес-сообществе произошел первоначальный отбор – «отсеялись» случайные люди и мошенники, участвовавшие в создании печально известных «пирамидальных» структур, действовавших по «схеме Понци». Из оставшихся в бизнесе выделился слой лидеров – так называемых «олигархов», которые стремились не только к экономической экспансии, но и к занятию ключевых политических позиций. Кризис 1998 года сыграл для бизнеса «очистительную» роль. Компании, прошедшие через него, стали более устойчивыми, стабильно работающими. Более рациональные бизнес-стратегии, специализация в конкретных сферах, забота о репутации – все это способствовало более цивилизованному характеру предпринимательского сообщества. Нефтяные цены в этот период продолжали оставаться низкими, достигнув минимума в 1998 году, когда объявленный государством дефолт способствовал быстрому восстановительному росту экономики.

Третий этап – 2000-2003 годы – можно рассматривать как «переходный». В этот период наблюдался рост – хотя и относительно умеренный – нефтяных цен, что положительно сказалось на экономической ситуации в стране. Государство в этот период производит демонтаж «олигархической» системы, но абсолютное большинство крупных бизнесменов сохраняют свои позиции на рынке (исключение составили несколько крупных политизированных игроков, вошедших в конфликт с государственной властью).

Четвертый этап – 2003-2014 годы – характеризуется видимым экономическим благополучием. Нефтяные цены в этот период достигали своего пика, а резкое падение в 2008 году сменилось почти столь же стремительным отскоком. Бизнес в этот период достигает максимума финансовых показателей – но в то же время постепенно теряет «драйв», становясь более инерционным. При этом в рамках этого этапа можно выделить две части.

Первая часть – до 2008 года – характеризовалась ростом оптимизма в обществе, который вполне объективно затронул и бизнес, несмотря на «дело ЮКОСа». Казалось, что кризисный период благополучно пройден, и страна – в том числе, разумеется, и бизнес – вышли на траекторию стабильного роста. Вера в «русское чудо» находила свое отражение в оптимистичных прогнозах относительно будущего роста – как ВВП (валовый внутренний продукт) страны, так и капитализации отдельных компаний. Вторая часть этого периода – 2009-2014 годы – характеризовалась куда более противоречиво. С одной стороны, макроэкономические показатели выправились, с другой – оптимизма стало существенно меньше. Иллюзия бескризисного развития закончилась, системные проблемы расти – соответственно, и ожидания стали снижаться.

© Ifri

Пятый этап начался в 2014 году, когда ситуация в политике и экономике резко изменилась. Конфликт с Западом, введение санкций (вначале ограниченных, а затем более масштабных), неформальные ограничения на контакты с Россией, введенные в ряде западных стран и корпораций, продовольственные «контрсанкции», объявленные Россией – все эти события создали новую, непривычную для бизнеса реальность. А в конце 2014 года начался обвал нефтяных цен, причем, по мнению экспертов, на этот раз быстрого «отскока» не ожидается. Соответственно, бизнес должен реагировать на новые вызовы, но делает он это предельно осторожно, чтобы не повышать для себя политические риски.

© Ifri

Первый этап: бизнес вытесняет государство

На этом этапе государство сокращало свое присутствие в экономике, а бизнес, напротив, наращивал его. В этот период бизнесмены все более активно продвигаются в экономику – начав со скромных кооперативов, они быстро переходят к формированию более «продвинутых» рыночных институтов – банков, акционерных обществ, страховых компаний, юридических фирм и др. Государственная собственность переходит в частные руки, что легитимируется с помощью приватизационных сделок.

Одновременно растут и политические аппетиты бизнеса, необходимые бизнесменам как для самореализации, так и – в еще большей степени – для лоббизма. Уже в 1990 году ряд предпринимателей – включая одного из первых легальных советских миллионеров, эпатажного Артема Тарасова и не менее амбициозного будущего президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова – на первых свободных российских парламентских выборах избирается депутатами. В 1991 году молодой бизнесмен Михаил Ходорковский является одним из советников российского премьера Ивана Силаева[2]. На первых выборах в Государственную думу в 1993 году бизнесмены баллотировались по спискам разных партий – от либерального «Выбора России» (Петр Авен, к тому времени ушедший в бизнес с поста министра внешнеэкономических связей) до националистической ЛДПР (Либерально-демократическая партия России) Владимира Жириновского (целая группа представителей среднего бизнеса). Даже в составе фракции Коммунистической партии (КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации) оказался один бизнесмен – Владимир Семаго – что тогда воспринималось как экзотика (но уже в конце 1990-х годов многие представители бизнеса баллотировались в парламент по списку КПРФ).

В этот же период бизнес играет немалую роль в коррумпировании чиновников и политиков. В настоящее время коррупция воспринимается бизнес-сообществом как одно из наиболее существенных препятствий на пути развития рыночных

[2] Главный враг российской власти: история Михаила Ходорковского // РБК. 20 декабря 2013 <http://top.rbc.ru/politics/20/12/2013/896017.shtml>.

© Ifri

отношений. Но не следует забывать, что коррупция в современной России как системное явление появилась именно в период становления рыночных отношений, причем представляла собой «улицу с двусторонним движением». С одной стороны, чиновники вымогали деньги у бизнесменов, пользуясь своими эксклюзивными возможностями, с другой стороны, бизнес в условиях резкого падения курса рубля в начале 90-х годов нередко дешево покупал чиновников и политиков[3].

Отметим также, что изначально особенностью бизнеса была его ориентированность на Запад. Еще в 1980-е годы одной из форм «нового предпринимательства» стали СП – совместные предприятия с участием советских и зарубежных (в том числе западных) партнеров. Первоначально предполагалось, что СП должны были привлекать в страну зарубежные высокие технологии, но на практике они быстро превратились в структуры, которые совершали экспортно-импортные операции: из России вывозилось сырье в обмен на дорогостоящую тогда технику, в том числе компьютерную. В последующем Запад стал для российских бизнесменов многоплановым фактором. На Запад ездили за опытом, получая престижное бизнес-образование и проходя краткосрочные стажировки, заимствуя новые технологии для развития рыночной экономики (например, в банковской сфере, которая в советское время была нерыночной, исключая небольшой сегмент «советских заграничных банков», действовавших в разных странах). На Западе искали инвестиции и стратегических партнеров. На Западе покупали недвижимость (этот процесс усилился в «нулевые» годы), создавали оффшорные фирмы и открывали банковские счета. То есть создавали «запасные аэродромы» на случай возникновения кризисных ситуаций в России, будь то масштабные политические потрясения или возникновение системных проблем у конкретной фирмы – в том числе во взаимоотношениях с государством. Так, известный бизнесмен Владимир Гусинский в 1994-1995 годах находился в вынужденной эмиграции после конфликта с могущественным главой службы безопасности Бориса Ельцина Александром Коржаковым. Урегулировав свои проблемы, он вернулся на родину.

С Запада в Россию ехали предприниматели, желавшие зарабатывать деньги на развивающемся рынке, некоторые из

---

[3] Яркую историю рассказывал бизнесмен Артем Тарасов, который еще в 1980-е годы три месяца не мог зарегистрировать устав своей фирмы (кооператива), потому что занимавшийся регистрацией чиновник все это время использовал его в качестве бесплатного шофера и помощника. Но зато когда устав был зарегистрирован, его содержание из-за некомпетентности чиновника оказалось очень выгодно Тарасову, так как давало разрешение на «любую деятельность, не противоречащую советскому законодательству». См. Тарасов А.М. Миллионер. М., 2004. С. 138-139.

© Ifri

которых задержались в стране надолго (как инвестор Борис Йордан или медиа-менеджер Дерк Сауэр). Затем потянулись менеджеры, которых приглашал крупный бизнес для формирования смешанных российско-зарубежных команд. В этот период вестернизация совпадала с государственной политикой, ориентированной на максимальное сближение с Западом. И в последующем, когда отношения с Западом стали ухудшаться, привлечение западных инвестиций продолжало считаться важным фактором повышения конкурентоспособности российской экономики.

На первый взгляд, кажется, что на этом этапе слабое государство только отступало, сдавая позиции наступающему бизнесу, в том числе в ходе приватизационных сделок. Однако это не совсем так. Исследователи Яков Паппэ и Яна Галухина выделяли три взаимосвязанные задачи приватизации[4]. Первая из них – «передача предприятий и иных активов тем, кто их уже реально контролировал, во избежание серьезных сбоев в текущем функционировании народного хозяйства, т. е. речь шла о формализации обыденного права собственности, сложившегося в период позднего СССР». Понятно, что в данном случае бизнес выступает в качестве наступающей стороны. Вторая задача – также в этой же логике – «минимизация остроты социальных конфликтов по поводу раздела и передела собственности». А вот логика третьей задачи уже совершенно иная – речь шла о «создании политической опоры власти в лице формируемого слоя собственников». Здесь уже государство (в лице Ельцина, принимавшего все ключевые решения, несмотря на ухудшение состояния здоровья) выступало в качестве активного актора, рассматривая бизнесменов не столько как обладателей «священного права» собственности, сколько как политических союзников, получивших активы в условное владение, подобно средневековым вассалам. Показательно, что в ходе залоговых аукционов середины 1990-х годов, на которых привлекательные государственные компании продавались по заниженной цене, победителями оказывались только игроки, политически лояльные тогдашнему Кремлю. Тогда как, к примеру, Инкомбанк в то время под руководством Владимира Виноградова, склонный диверсифицировать свои политические предпочтения (его называли одним из спонсоров КПРФ[5]), не получил на них ничего.

---

[4] Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес. Первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008. М., 2009. С. 87.

[5] См. например: КПРФ на запасном пути российского капитализма. Анализ и критика от Олега Шеина // 1998 г. <maxpark.com/user/4295003556/content/1597630>.

© Ifri

Второй этап: пир победителей

В советской истории XVII съезд Коммунистической партии, прошедший в 1934 году, назывался «съездом победителей» - вскоре большинство его делегатов стали жертвами сталинских репрессий. «Олигархический» период истории российского бизнеса можно с некоторой долей условности назвать «пиром победителей». Несколько крупнейших бизнесменов играли масштабную политическую роль во второй половине 1990-х годов – но этот период быстро закончился.

Для российской власти бизнес-союзники были необходимы для финансирования избирательной кампании Бориса Ельцина в 1996 году – причем речь шла как о прямом наполнении избирательного фонда, так и о пополнении государственного бюджета, необходимом для выполнения основных социальных обязательств в предвыборный период. Небольшая группа «олигархов» (получившая название «семибанкирщина» – по числу влиятельных коммерческих банков) оказалась приближена к власти; ее успехом стало не только избрание Ельцина президентом, но и победа над силовой частью его окружения (Коржаковым и его союзниками). Взамен бизнес запросил преференции в виде государственных активов и значимых должностей во власти (Владимир Потанин стал первым вице-премьером, Борис Березовский – заместителем секретаря Совета безопасности).

Но и в этот период бизнес не доминировал в отношениях с государством. Я.Паппэ и Я.Галухина называли следующие важнейшие характеристики взаимодействия крупного бизнеса и государства в этот период: витальная значимость для обеих сторон, паритетность, эксклюзивность, переговорный характер. Среди важнейших элементов модели присутствовали:

- прямое участие органов власти в формировании конкретных компаний и обеспечении их экспансии;

- экстраординарные способы финансирования государственных нужд частным бизнесом;

- прямые неинституционализированные консультации представителей государства и бизнеса, эпизодически проводившиеся по конкретным вопросам экономической политики вне рамок регулярного процесса принятия решений;

© Ifri

- периодические переходы представителей крупного бизнеса в органы государственной власти и обратный переход крупных политиков и чиновников;

- неоднократные случаи силового давления крупных предпринимателей или их коалиций на государство, далеко выходящие за рамки лоббизма в любом его определении;

- неоднократные случаи прямого силового давления правоохранительных органов и спецслужб на частные компании[6].

Отметим также несколько факторов, которые делали эту модель крайне уязвимой и временной:

- государство рассматривало ее как вынужденную, связанную с ограниченностью собственных ресурсов. Поэтому любой игрок, который смог бы стабилизировать политическую ситуацию, начал бы ее пересмотр. Вопрос был в том, кто станет объектом для первой атаки со стороны государства – победа Путина превратила в изгоя Гусинского (и несколько позднее Березовского), тогда как приход к власти Евгения Примакова привел бы к разгрому «семейной» группы Романа Абрамовича и того же Березовского.

- модель носила крайне неэффективный характер для экономики – она не была способна обеспечить ни эффективное развитие, ни эффективное наполнение бюджета.

- «олигархи» не могли достигнуть стратегических договоренностей – уже в 1997 году между победителями начались «олигархические войны», связанные с контролем над наиболее привлекательными активами.

- кризис 1998 года привел к ослаблению позиций практически всех «олигархических» групп, которые были вынуждены обратиться за поддержкой к государству.

[6] Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Ук. соч. С. 91-92.

© Ifri

Третий этап: равноудаление

После прихода к власти Владимира Путина государственная власть провозгласила концепцию равноудаления «олигархов». Разгромив медиа-магната Гусинского, Путин предъявил крупному бизнесу новые условия его функционирования – речь шла о признании доминирования государства в политической сфере, отказе бизнеса от действий, которые могли быть расценены как «антигосударственные». В эту логику до 2003 года не вписался, кроме Гусинского, только Березовский, бывший на первых порах союзником Путина и переоценивший свое влияние на государственную политику и лично на президента. Феномен «олигархии» на этом этапе прекратил свое существование. В ходе проведенного в 2006 году Центром политических технологий исследования многие бизнесмены говорили о конце «олигархии». Генеральный директор страховой компании Виктор Юн говорил, что «сегодня даже фигуры, подобные олигархам, могут появиться только с позволения государства». А банкир Сергей Стоклицкий считал, что «если раньше олигархи формировали власть, то сейчас власть не хочет появления олигархов прежнего типа»[7].

В рамках новых правил игры консультации между государством и бизнесом стали институционализированными, проходившими через бизнес-ассоциации, в первую очередь, через Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), в который было рекомендовано вступить «олигархам» (во главе РСПП стоял известный политик и опытный бизнес-лоббист Аркадий Вольский, а в его руководство входили «олигархи»). В то же время уже на этом этапе государство предпринимает меры для дальнейшего снижения влияния крупного бизнеса – оно поддерживает создание таких альтернативных РСПП бизнес-ассоциаций, как «Деловая Россия» (объединяет в основном «среднекрупный» и средний бизнес) и «ОПОРА России» (организация малого и среднего бизнеса), чьи экономические интересы были нередко противоположны «олигархическим». Это снижало эксклюзивность «олигархов» для государства.

[7] Бизнес несмотря ни на что: 40 историй успеха // Центр Политических Технологий, 2007, С . 37.

© Ifri

Впрочем, концепция равноудаления рассматривалась государственной властью (президентом Владимиром Путиным и его командой) как временная, неспособная решить задачи, которая она перед собой ставила. Здесь произошло ситуативное сближение интересов дирижистски настроенных силовиков и либеральных экономистов, входивших в состав команды Путина. Первые были заинтересованы в распространение своего влияния на экономическую сферу, вторые считали, что частичные «уступки» со стороны бизнеса неспособны решить задачу наполнения бюджета и снижения лоббистского потенциала бывших «олигархов».

Следствием стало «дело ЮКОСа», которое должно было стать не только средством уничтожения бизнес-группы Михаила Ходорковского, но и знаком нового одностороннего изменения правил игры в отношениях между бизнесом и государством. Во-первых, к доминированию государства в политике добавилась неприемлемость для бизнеса осуществлять любые политические инвестиции без прямой санкции власти – как текущие, так и стратегические (Ходорковского неофициально обвиняли в планах продвинуть на выборах 2008 года в президенты своего кандидата). Во-вторых, бизнес-лоббизм, связанный с изменением законодательства, был резко ограничен – по крайней мере, со стороны бывших «олигархических» групп. В-третьих, все ключевые бизнес-решения, в том числе связанные с изменением структуры собственности и приходом иностранных инвесторов, должны были получить не только предусмотренную законом формальную санкцию со стороны государственных органов (например, антимонопольных), но и неформальное политическое разрешение Кремля. Попытка Ходорковского продать крупный пакет акций ЮКОСа американской Exxon без неформальной санкции Путина стало одной из основных причин его уголовного преследования. Эти правила игры с некоторыми корректировками продолжают действовать и в настоящее время[8].

«Дело ЮКОСа» продемонстрировало, что государственная власть контролирует ситуацию в стране и может принимать решения, не обращая внимания на позицию как отдельных предпринимателей, так и бизнес-сообщества в целом (попытка РСПП защитить Ходорковского завершилась неудачей и привела к отставке основателя и первого президента этой организации Аркадия Вольского). Такая реальность была признана не только российскими предпринимателями, но и западными инвесторами, которые были заинтересованы во вложениях в российскую экономику в условиях бурного роста

[8] Подробнее о «деле ЮКОСа» см.: Челищева В. Заключенный № 1. Несломленный Ходорковский. М., 2011; Панюшкин В. Михаил Ходорковский. Узник тишины. М., 2006.

© Ifri

нефтяных цен. При этом западные игроки (как экономические, так и некоторые политические – Герхард Шрёдер, Жак Ширак, Сильвио Берлускони), воспринимая новую российскую политико-экономическую модель как вполне приемлемую, подходили к России как к «незападной» стране, в которой действуют правила игры, принципиально отличающиеся от существующих в их странах. Этому способствовал многолетний опыт взаимодействия с авторитарными режимами – Путин в их глазах мало отличался от арабских шейхов (разве что в лучшую сторону – в России все же сохранялись либеральная Конституция 1993 года, избираемый парламент и партийный плюрализм).

Новая схема сужала возможности бизнеса, ставя его в жесткую зависимость от государства. Но она же позволяла ему не просто сохранять свои позиции, но и развиваться при соблюдении правил игры. Компания Ходорковского была разгромлена, но другие крупные игроки уцелели. Можно привести пример Вагита Алекперова – основателя и руководителя нефтяной компании ЛУКОЙЛ. В отличие от Ходорковского, у него не было самостоятельных политических амбиций – таким образом, ЛУКОЙЛ избежал жесткого конфликта с государством, хотя в 2002 году компания добровольно компенсировала государству $103 млн, сэкономленных с помощью оффшорной схемы (хотя дела в арбитражных судах ЛУКОЙЛ и выиграл). Вскоре после ареста Ходорковского официальный представитель ЛУКОЙЛа заявил, что руководство компании намерено отказаться от любых, даже легально разрешенных, схем минимизации налогообложения.

А в 2004 году Алекперов добился одного из самых крупных своих успехов. В июле этого года в Геленджике состоялась тройственная встреча Владимира Путина, Алекперова и главы ConocoPhillips Джеймса Малвы. На ней были согласованы основные параметры прихода американской компании в число акционеров ЛУКОЙЛа. В результате российская власть смогла продемонстрировать, что иностранные инвесторы приходят в страну, несмотря на «дело ЮКОСа», и притом на устраивающих Кремль условиях. Американцы приобрели далекие от контрольного пакета 20% ЛУКОЙЛа, что потом стало ориентиром для инвесторов в другие компании, такие как «Роснефть» и НОВАТЭК. А ЛУКОЙЛ получил западного стратегического партнера, не претендовавшего на непосредственное участие в управлении компанией – и, следовательно, не посягавшего на прерогативы Алекперова. Правда, во время мирового экономического кризиса конца «нулевых» ConocoPhillips продала акции ЛУКОЙЛа в рамках политики сокращения затрат[9].

[9] Нефть и капитал. № 8, 2015.

© Ifri

Четвертый этап: особенности доминирования государства

После 2003 года экономическая политика государства приняла более дирижистский характер, но при сохранении либеральных тенденций в макроэкономике (например, в 2006 году была отменена обязательная продажа экспортной валютной выручки). Дирижистские методы выражались в нескольких сферах.

Во-первых, часть бизнеса подверглась фактической национализации. Речь шла не только о ЮКОСе, но и о ряде других структур, которые государство относит к числу стратегически значимых. Так, государственный военно-промышленный холдинг «Ростехнологии» (ныне – «Ростех») стал собственником титанового холдинга «ВСМПО-Ависма». Бизнесмен Каха Бендукидхе продал Газпромбанку контрольный пакет акций «Атомстройэкспорта» – компании, являющейся главным подрядчиком при строительстве АЭС за рубежом (а затем банк передал государству часть акций, достаточную для формирования контрольного пакета). «Газпром» стал собственником «Сибнефти», переименованной в «Газпром нефть». Компания «Роснефть», ныне руководимая влиятельным соратником президента Игорем Сечиным, купила 100% акций нефтяной компании ТНК-ВР. Впрочем, фактическая национализация в этих случаях проходила в форме покупки (причем в ряде случаев на весьма выгодных для прежних собственников условиях), а не конфискации, как в «деле ЮКОСа». Однако подобный подход все равно ведет к сокращению рыночной конкуренции и к распространению этатистской корпоративной культуры.

Во-вторых, появилась новая юридическая форма экспансии государства в экономику – государственная корпорация, имеющая широкие права в коммерческой сфере. Статус госкорпораций получили самые разные компании – от созданного на время подготовки к сочинской Олимпиад «Олимпстроя» до стратегически значимых для государства «Ростеха» и «Росатома». В президентство Дмитрия Медведева был введен фактический мораторий на создание новых госкорпораций (многие эксперты считали их недостаточно эффективными), но после возвращения на пост президента Путина табу было снято – принято решение о создании новой госкорпорации «Роскосмос».

© Ifri

В-третьих, возник новый слой близких к государству бизнесменов, которые обладают неформальными экономическими преференциями, но при этом меньшим реальным политическим влиянием, чем «олигархи» 90-х годов. Первым таким предпринимателем эксперты называли Сергея Пугачева, владельца ныне обанкротившегося Межпромбанка – в настоящее время он эмигрировал из страны и выступает с критикой российского режима из Лондона[10]. Представляется, что Пугачев, как ранее Березовский, переоценил свои возможности и не учел, что «кингмейкеры» в путинской России не востребованы. Зато группа «питерских друзей» президента – Юрий Ковальчук, Геннадий Тимченко, Аркадий Ротенберг – подчеркнуто держат дистанцию от политики и не подчеркивают в публичном пространстве свою особую близость к Путину. Это оказалось правильной стратегией, способствующей экономическому успеху. Две из трех крупнейших компаний на рынке строительства трубопроводов – «Стройтрансгаз» и «Стройгазмонтаж» – принадлежат, соответственно, Тимченко и Ротенбергу. В сфере влияния Ковальчука – не только банк «Россия», но и Газпромбанк, страховая компания «Согаз», крупные медийные активы[11].

Характерно, что «питерские друзья» – это выходцы из бизнеса 1990-х годов, чьи карьеры получили мощный импульс в последнее десятилетие. В отличие от Сечина, они не являются сторонниками государственной экспансии – напротив, их бизнес продолжает оставаться частным. Более того, приход связанного с властью бизнесмена в компанию может позволить ей выйти на новый уровень развития. Так произошло с НОВАТЭКом – независимым производителем газа, который в первой половине «нулевых» годов находился в обороне от экспансии «Газпрома». Попытка руководителя компании Леонида Михельсона продать часть акций НОВАТЭКа французской Total не привели к успеху – антимонопольные органы не запрещали сделку, но и не разрешали ее. После прихода в число акционеров Тимченко ситуация принципиально изменилась. Экспансия «Газпрома» прекратилась – напротив, НОВАТЭК получил некоторые газпромовские активы. НОВАТЭК также активно развивает ямальский газовый проект, включая строительство морского порта Сабетта на северо-востоке Ямала. Быстро наладились отношения и с французами. Уже в марте 2011 года Михельсон и тогдашний глава Total Кристоф де Маржери в присутствии Владимира Путина подписали меморандум о вхождение французской компании в число акционеров российской. Также Total купила 20% в проекте «Ямал СПГ». К 2014 году Total

---

[10] Об истории Сергея Пугачева см.: Новак А., Пугачев защищается медиаатакой, Polit.ru, 2 июля 2015, <polit.ru/article/2015/07/02/pugachev/>.

[11] Подробнее см.: Макаркин А., 2011 год: легитимация собственности, Politcom.ru, 30 марта 2011, <http://politcom.ru/11679.html>.

© Ifri

принадлежало уже 18,2% акций НОВАТЭКа – и «антимонопольщики» не испытывали никаких сомнений по поводу этой сделки[12].

Союз Михельсона и Тимченко, таким образом, носит взаимовыгодный характер. Михельсону он помог получить сильную лоббистскую поддержку, позволившую ему не только удержать НОВАТЭК на плаву, но и получить мощный импульс для дальнейшего развития. Для Тимченко Михельсон – опытный бизнесмен в газовой сфере, который может профессионально управлять увеличивающимися в размерах активами.

Характерно, что «дело ЮКОСа» стало единственным столь жестким и необратимым конфликтом между государством и успешным крупным бизнесменом. Это не означает, что между государством и предпринимателями не возникает конфликтных ситуаций, иногда весьма острых. Владелец компании «Русснефть» Михаил Гуцериев был вынужден эмигрировать, но затем вернулся и восстановил свои позиции в бизнес-элите. Уже после введения санкций против России под домашним арестом оказался основатель и руководитель АФК «Система» Владимир Евтушенков – его дело было связано с давним конфликтом за контроль над компанией «Башнефть». В результате «Башнефть» была фактически национализирована, но другие активы Евтушенкова не пострадали – более того, он был освобожден из-под домашнего ареста и приглашен на встречу с Путиным, что в российских условиях означает политическую реабилитацию[13].

В этой ситуации многие бизнесмены нашли свое место в представительных органах власти в качестве лояльных Кремлю депутатов (при этом они сохраняют реальный контроль над своим бизнесом). Количество предпринимателей, поддерживающих связи с оппозицией, на этом фоне крайне невелико из-за повышенных рисков. Одним из исключений был лидер партии Альянса зеленых, миллиардер Глеб Фетисов, который оказался под следствием, и в 2014-2015 годах находился под стражей. Одни наблюдатели считали, что это последствия его партийной деятельности, другие, напротив, говорили, что статус политика не стал достаточной защитой для бизнесмена[14]. В любом случае, этот пример не вызывает энтузиазма у других предпринимателей.

Процессы стабилизации отношений между бизнесом и государством происходили и на региональном уровне. По словам Ростислава Туровского, в итоге сформировалась «модель отношений, которую можно назвать функциональной», основанная на отладке отношений на уровне и в пределах,

---

[12] Нефть и капитал, № 8, 2015.
[13] Подробнее о «деле Евтушенкова» см.:«Система» подавилась нефтью, Polit.ru, 22 июня 2015, <polit.ru/article/2015/06/22/evtushenkov>.
[14] Подробнее о «деле Фетисова» см.: Forbes, 23 сентября 2014.

© Ifri

соответствующих реальным губернаторским полномочиям: «Политический конфликт возникает в двух случаях. Во-первых, если губернатору удается использовать свое влияние, серьезно ограничивая экономические возможности компании. Во-вторых, если представитель бизнеса по каким-то причинам … принимает решение об уходе или частичном переходе в политику»[15].

Таким образом, доминирование государства в экономике в российском варианте представляет собой сложную конструкцию, принципиально отличающуюся от европейской свободной рыночной экономики. Вместо четких правовых процедур действует система неформальных договоренностей. Понятно, что в большинстве своем бизнесмены предпочитают минимальное вмешательство государства в экономику, но у них отсутствовали возможности изменить ситуацию. Другое дело, что отличие предпринимателя от идеологически «заряженного» политика – это способность прагматичной адаптации. Поэтому бизнесмен не протестует – он уживается с государством, более того, находит способ для развития и в новой, менее удобной, чем раньше, ситуации. Хотя «драйв» в такой ситуации нередко уменьшается – впрочем, для этого есть и другие причины.

Среди этих причин, в частности, можно назвать снижение престижа профессии предпринимателя – после «большого взрыва» конца 1980-х – начала 1990-х годов количество новых активных участников бизнес-сообщества существенно уменьшилось. А первое поколение деловых людей новой России все более задумывается о том, кто унаследует их активы, а некоторые из них оказываются подверженными инерции. «Есть […] опасная ловушка – комфорт, стабильность», – говорит председатель совета директоров компании «Сатори» Андрей Гусаров[16]. О «кризисе цели» и «экзистенциальном вакууме» свидетельствует генеральный директор компании «ММ-Класс» Марина Мелия[17]. В то же время характерна точка зрения крупного венчурного предпринимателя Юрия Мильнера, считающего, что предпринимательский драйв в России «в среднем выше, чем в Европе»[18] – такое сравнение оставляет возможности для оптимизма.

---

[15] Туровский Р.Ф. Власть и бизнес в регионах России: современные процессы обновления региональных элит. С. 24. <bastion.ru/files/eb/regelite-business.doc>.
[16] Бунин И.М., 20 лет спустя. Портрет отечественного бизнеса, Апрель 2015, С. 169.
[17] Там же. С. 306.
[18] См. Forbes, 3 ноября 2013.

© Ifri

Пятый этап: жизнь в условиях санкций

Резкое обострение отношений России и Запада создало новую реальность, к которой бизнесу приходится адаптироваться на ходу. Целый ряд российских компаний оказались объектами «секторальных» санкций – например, для НОВАТЭКа близость к власти обернулась включением в санкционный список из-за фигуры Тимченко (таким образом, конкурентные преимущества оборачиваются проблемами). Но проблема куда шире. Ранее российская власть ориентировалась на взаимодействие с Западом (хотя и с разной степенью энтузиазма) и требовала от бизнеса только сокращения участия в оффшорных схемах, да и то не очень активно. Бывший первый заместитель руководителя администрации президента (а ныне помощник Путина) Владислав Сурков ввел в публичное пространство негативный термин «оффшорная аристократия»[19], но наказаний для «аристократов» не последовало.

Сейчас же Россия стремится максимально изолироваться от Запада, воспринимая его как угрозу в разных сферах – политической, экономической, культурной, идеологической. Предпринимательство же по своей природе космополитично – поэтому любые изоляционистские тенденции вызывают у него, как минимум, сильную обеспокоенность, а как максимум – глубокое неприятие. Тем более, что действия государства в условиях «осажденной крепости» затрагивают и немногочисленных бизнесменов, считающихся «неблагонадежными». Например, благотворительный фонд «Династия», основанный одним из ветеранов российского бизнеса, 82-летним Дмитрием Зиминым, был признан государством «иностранным агентом», после чего объявил о прекращении своей деятельности.

Следует отметить, что часть российских бизнесменов серьезно относятся к идее «национализации бизнеса», выступая с подчеркнуто государственнических позиций. Самый яркий, в чем-то экстремальный, пример – «православный бизнесмен» Константин Малофеев, активно вовлеченный в драматические

[19] Радзиховский Л. Европейцы сверху // Независимая газета, 7 марта 2006, <www.ng.ru/ideas/2006-03-07/11_elita.html>.

© Ifri

события на востоке Украины и оказавшийся в связи с этим фигурантом западных санкций. Хотя во многих случаях государственничество носит декларативный характер. Например, еще в 2007 году Олег Дерипаска заявил: «Если государство скажет, что мы должны отказаться от компании, мы откажемся. Я не отделяю себя от государства. У меня нет никаких других интересов». Но в результате он остался собственником своего бизнеса[20].

В то же время основатель и гендиректор компании Splat, выпускающей гигиенические средства для полости рта, Евгений Демин, рассуждая о конфликте России и Украины, предупредил: «Прежде чем оказаться внутри осажденной крепости, важно понять, откуда брать продовольствие и необходимые для комфортной жизни товары»[21]. Он считает, что изоляция, в которой оказалась страна в данный момент, обнажит давнишние проблемы, на которое долго закрывались глаза. Например, на состояние собственного производства: «Удивительно, но мы позволили себе разучиться делать самые простые вещи, утратили множество технологий, допустили развал целых отраслей»[22]. Однако такие публичные высказывания в настоящее время являются исключением – в условиях консолидации общества вокруг власти бизнес в целом не может «выбиваться» из общего ряда. Тем более, что государство на сегодняшний может остается распределителем ресурсов, хотя их и становится все меньше.

[20] Дерипаска: Я готов отдать свою компанию государству <http://grani.ru/Economy/m.124731.html>.
[21] Левинская А., Создатель зубной пасты Splat написал письмо об изоляции России // РБК, 15 октября 2014, <http://top.rbc.ru/business/15/10/2014/543e355bcbb20ffa39153d57>.
[22] Ibidem.

© Ifri

Что дальше?

В сегодняшней ситуации бизнес делает ставку на выработку индивидуальных стратегий, направленных не столько на развитие, сколько на выживание в новых условиях. Среди них – как внутренние (урезать расходы, не связанные с самим существованием фирмы, попытаться прислониться к государству, получив от него поддержку на льготных условиях), так и внешние – ставка прежде всего на развитие зарубежных активов (как «страховка» от возможного роста турбулентности внутри России), личный переезд за границу (тем более, что семьи многих российских бизнесменов уже давно живут в Европе). Есть и такой способ как «поднятие флага» какой-либо западной страны – для того, чтобы бизнес выглядел как можно более «европейским», а российские корни были как можно менее заметны.

Таким образом, речь идет уже не только об осторожной диверсификации, а куда более серьезных процессах, влияющих на бизнес-климат в России. Уже начали появляться случаи полного – или почти полного – переноса деятельности компаний за границу в условиях отсутствия непосредственных политических проблем. Так, крупнейший производитель одежды «Глория Джинс» почти полностью вывела производство из России и Украины, а ее владелец Владимир Мельников объявил о планах перевода в Гонконг головного офиса в 2015 году. По его словам, «страна решила пойти по пути мобилизационного государственного развития, это не мой путь»[23]. Многие из них уже проводят в России менее 183 дней в году, чтобы не оставаться российскими налоговыми резидентами, так как действующее законодательство о деоффшоризации на практике способствует вытеснению бизнесменов за пределы страны. Представляется, что при дальнейшем развитии конфликта с Западом «отъездные» настроения будут расти – бизнес будет активнее «голосовать ногами».

Российский эксперт Владислав Иноземцев считает, что современная Россия все более напоминает Белоруссию Александра Лукашенко – как в политической, так и в

[23] Левинская А., «Госкапитализм» вынудил «Глорию Джинс» перевести офис в Гонконг // РБК 15 октября 2014, <top.rbc.ru/business/15/10/2014/543e5910cbb20f2a4b4c1733>.

© Ifri

экономической сферах, включая доминирование государства в экономике[24]. Известно, что белорусская модель несовместима со свободным рынком – и если Россия будет и далее идти по этому пути, то бизнес может оказаться в тупике. Другое дело, что российский опыт свидетельствует о том, что частная инициатива сохраняется в самой неблагоприятной ситуации. Новый «прорыв» образца 1980-1990 годов маловероятен из-за возраста основных игроков, «закостенения» основных экономических конструкций и снижения (но не исчезновения) драйва, но активизация частного бизнеса все же возможна. Когда этатистская модель, основанная на высоких нефтяных ценах, демонстрирует свой тупиковый характер, то оказываются востребованы альтернативы. Советского мобилизационного сценария российское общество не выдержит – поэтому остается обращение к частной инициативе. В какие сроки и каком формате – будет видно уже в среднесрочной перспективе.

[24] Иноземцев В. Стратегия: Вслед за Лукашенко // Ведомости, № 3898 от 19 августа 2015.

© Ifri